

Данила Игнатьевич и его сын

Там дале-далёченько, за синим мором,
Вот предвидел Данила Игнатьевич:
— На нас тма идет, если силой взять, —
Сорок царох, сорок царевичей,
Но набольший у них — Тит Хорохонтьевич.
Хвалится Тит, похваляется:
«Солнышка Владимира город головней покачу,
Церкви я на огонь пущу,
Стариков и старушек на штыки возьму,
А Дусечку Апраксевну за себя возьму!» —

Солнышко Владимир сказал: «Данилушка Игнатьевич, заступай за веру христианскую». Он сказал:

— Я старый стал, престарелый,
Мне от роду девяносто лет.
Есть на поле дуб,
Этот дуб с окроколистом [!],
А у меня Миша Данильевич — отродиё,
Но Миша мал, Миша малешенек,
К нему от роду двенадцать лет.

Просите Мишу. Может, Миша заступит за веру христианскую.

Посылайте Мише посланников,
Самых сильных богатырей,
Посылайте Добрыню Игнатьевича [!], Олешу Поповича,
Чтобы (к) Мише подходили с молитвами,
Чтобы Миша не дрогнулся,
Чтобы Миша не подрогнулся.
Спросит Миша: «Что царь зовёт?»
Вы скажите: «Мы не знаем, мы не ведаем».
Послал их царь со записками,
Добрыню Игнатьевича и Олешу Поповича.

Миша спросил: «Зачем меня царь зовет?» Они сказали: «Мы не знаем, не ведаем».

Данила Игнатъевич сидит за царскими креслами со солнышком Владимиром. Когда заходит Миша Данильевич, солнышко Владимир подносит чару богатырскую вина — полтора ведра. Данила Игнатъевич говорит:

— Миша мой Данильевич,
Заступись за веру христианскую,
Бейся-рубись трое суток,
С бела света до темной зори,
С темной зори до бела света,
Не пивши, не евши и с коня не спускайся.
Выбирай саблю себе полегше всех,
Которая тянет тридцать пудов.
И на четвертые сутки я тебя повырчу.

Сел он на его доброго коня
И выехал в чисто поле.
Куда ударит — улица,
Куды махнет — переулками.
Бился-рубился трое суток,
На третьи сутки Мишу ранили,
Давали Мише рану смертельную, невыносимую.
Поворачивал коня круто-накруто,
И поехал Миша к родному батюшке.

Когда въезжал в царские ворота, с коня упал и умер. Тозно Данила Игнатъевич сказал солнышке Владимиру: «Зачем Мишу зарыскивал?» Данила встает — кирпичный пол до колен пошел. Вышел, дверью хлопнул — и больше отворить не могли. И сел на своего доброго коня и поехал сражаться с Титом Хорохонтъевичем.

По окончании боя стояли на башне Дусечка Апраксевна и солнышко Владимир, и два богатыря — Олеша Попович и Добрыня Игнатъевич, и два думные министра...

Бился-рубился Данила Игнатъевич и в последних боях схватил Тита за ноги, бросает свою саблю и стал Титом добивать. И когда немного осталось, он сказал: «Татарская голова крепкая, не рвется!» И как ударил — и кучку закончил. Прикалывает голову на пику и поворачивает в обратный путь, во дворец солнышка Владимира.

Тозно на башне стоят смотрят, а Дусечка Апраксевна сказала: «Узнавай молодца по походочке, а сокола по полеточке. Это Тит Хорохонтъевич

Данилы Игнатьевича голову везет». Олеша Попович сказал: « Не Данилы Игнатьевича голову везут, а Тита Хорохонтьевича голову везут. Не была бы ты князина великая и нашего великого князя солнышка Владимира [женой], назвал бы тебя сучкой гончатой!»

А начало: Дуся Апраксевна хотела, чтобы Тит завладел городом.

(Записала Т. А. Селюкова весной 1961 г. от Иннокентия Гавриловича Гуляева, 60 лет, в пос. Походск на нижней Колыме)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.